

23 августа 2018 г.

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

началась на Балашовском опытном поле, после реорганизации – Балашовской опытной станции, которая сейчас называется Аркадакской. Стародавние сорта-популяции озимой пшеницы в Саратовской губернии не давали желаемого результата и часто вымерзали, поскольку были завезены с Украины.

Наши предшественники в результате тщательнейшего индивидуального отбора из сортов народной селекции выявили линии, которые легли в основании тех знаменитых сортов, что в 20-е годы прошлого века стали лучшими по морозостойкости и зимостойкости. О них писал Вавилов. Это Лютесценс 329, Гостианум 237, а также Лютесценс 1060/10.

В начале двадцатого века в регионе функционировала

дочь Георгия Карловича, Нина Георгиевна, и ее гражданский муж Тюмяков. Тогда над сортами работали как бы группами, перед каждой «могучей кучкой» стояли свои конкретные задачи. Ими были выведены сорта Эритроспермум 46/131, Лютесценс 434/154, а к концу жизни Ниной Георгиевной был создан очень морозостойкий Лютесценс 230, занимавший значительные площади, в том числе и в Казахстане. И урожайность его по тем временам удовлетворяла потребности сельхозтоваропроизводителей.

После расстрела Мейстера и его сподвижников о саратовской станции стали порядком забывать, но отдел селекции яровой пшеницы все-таки смог заявить о себе. Что же касается отдела озимых культур, то он оказался в тени более удачливых конкурентов-южан. Хотя работа ни на день не прекращалась, и результаты были достойными. Другое дело, что

рых формировался колос – вот в чем дело. В настоящий момент этот сорт частично утратил это свойство. Надо честно признать, с Мироновской 808 мы провели множество циклов скрещиваний, но передать этот признак какому-то из наших сортов мы так и не смогли.

Если обозреть историю саратовской лаборатории селекции и семеноводства озимых пшениц, долгие годы все вроде как складывалось против нее. Почему? Я и сейчас говорю: нет пророка в своем отечестве. Когда я пришла в эту лабораторию младшим научным сотрудником и мало в чем разбиралась, меня встречали более авторитетные товарищи и говорили: а вот ваша Саратовская 90 ничто и звать ее никак и вообще она никуда не пойдет. Стоило нам перестать вести семеноводство этого сорта, в том числе и потому, что не было заявок, срок регистрации патента близится

вникать всю оставшуюся жизнь. Поэтому так важна преемственность.

– А Масловская, простите, это удачливый искатель или все-таки работника?

– Эльвира Николаевна – редкий трудяга. Материала, который она нарабатывала, нам хватит еще на много лет. И он весь лежит на складе. Вернемся к теме преемственности. Итак, сначала был Георгий Карлович Мейстер. В какой-то момент он передал свои знания и эстафету Нине Георгиевне. Она здесь работала вплоть до самой смерти. Девять лет рука об руку с ней трудился Виктор Петрович Ласкин. Это с его участием были созданы Саратовская 90, Саратовская остистая, Виктория 95, Губерния. Вместе с ним достаточно долго (с 1962 по 1995) работала Эльвира Николаевна. То есть фактически эстафета поколений ни разу не прерывалась.

Почему я люблю Калач 60? Да потому что он единственный такой

Светлана Витальевна Ляцева, заведующая селекционным центром ФГБНУ «НИИСХ Юго-Востока», кандидат сельскохозяйственных наук, на целых четыре года была отлучена от своей лаборатории селекции и семеноводства озимых культур.

И хотя она заезжала сюда часто, чтобы подсказать, где что лежит и что куда надо сеять, похоже, за время её отсутствия многое чего успело произойти.

Поэтому наш разговор мы начинаем с темы, что значит преемственность в науке. Благо встреча происходит в здании бывшей Саратовской сельскохозяйственной опытной станции, где находится ее кабинет. В начале прошлого века город и станцию отделяли три километра, которые преодолевали на лошадях, сейчас мегаполис душист науку в своих объятиях.

– Озимая пшеница появилась в этих стенах в 2015 году. Ее селекция

серьезная научная школа. На Балашовской станции селекцией озимой пшеницы занимался Георгий Карлович Мейстер, бывший уездный агроном Балашовской земской управы Саратовской губернии, основатель Балашовской опытной сельскохозяйственной станции и ее первый директор.

В 2018 году после армии он вернулся в стены Саратовской опытной станции в качестве руководителя селекционного отдела и начал разворачивать активную работу по созданию новых сортов. Станция на тот момент была уникальной, потому что именно здесь впервые в мире получили ржано-пшеничные гибриды. Сотрудников на станции было немного, был один селекционер по каждой культуре и помощники, и какое-то время этот вариант был актуальным.

Поскольку Мейстер в дальнейшем возглавил станцию и не мог уделять озимым пшеницам прежнего внимания, этой темой стала заниматься

была Краснодарская селекционная станция с Павлом Пантелеймоновичем Лукьяненко, дважды Героем Социалистического Труда, лауреатом Сталинской и Ленинской премий, академиком ВАСХНИЛ. Он появился со своими Безостой 1, Авророй и Кавказом.

Потом наступила эпоха пшеницы Мироновской 808, автор – еще один академик ВАСХНИЛ, тоже дважды Герой Социалистического Труда Василий Николаевич Ремесло, директор Мироновского НИИ селекции и семеноводства пшеницы, что в Украине. В 1971 году пшеницей этого сорта было засеяно 9,5 млн га, что составляло более 45 % площади всей озимой пшеницы страны.

Правда, Мироновская 808, что сейчас растет на полях, уже не повторяет всех сильных качеств своей «родительницы». Раньше стоило весной сложиться благоприятным условиям для отрастания, она тут же начинала куститься. И давала побеги, на кото-

к завершению, теперь о ней вспомнили: был де у нас когда-то замечательный сорт. Это неправда! Тогда лучше занимались агротехникой, строже контролировали семеноводство, поэтому у некоторых сельхозтоваропроизводителей она и сейчас себя превосходно показывает. Почти десять лет меня тряс екатериновский фермер Сергей Викторович Новиков, чтобы я обеспечила его семенами под заказ. В прошлом году мы ему сделали семена, чем он абсолютно доволен. Она его устраивает.

– Светлана Витальевна, упускаете массу подробностей, для краткости, давайте сообщим нашим читателям, что вы выпускница биофака Саратовского классического университета. Зоолог по специальности. Собирались работать в заповеднике, но волей случая попали в качестве обычной сельхозработчицы в руки к завлабу Эльвире Николаевне Масловской. И тут все завертелось.

Вместе с бывшим директором НИИСХ Юго-Востока Александром Прянишниковым и руководителем саратовского филиала Госсортокомиссии Алексеем Дорогобедом в 1993 году вы поступили в аспирантуру. Только они в очную, а вы – в заочную. Почему?

– Эльвира Николаевна, которая с 1986 года возглавляла лабораторию, потихоньку втягивала меня в селекцию, впахивала меня в нее. Она же настояла на том, чтобы я поступала в аспирантуру и, когда я уступала ее просьбам, уже понимала, что именно мне надо в профессии сделать. Наверняка, я не смогла в своей письменной работе выразить, что хотела, но в аспирантуре я отучилась, провела все необходимые опыты. И... отложила результаты в долгий ящик. Не стала сразу защищаться.

– А Саша с Лешей, выходит, защитились?

– Защитились. Мне же было интересно не столько писать, сколько заниматься непосредственно селекцией. Ведь селекция – это не так просто. Если сейчас меня убрать и привести на мое место какого-нибудь другого человека, ему нужно будет

– Когда вы пришли в лабораторию, над чем она сосредоточила свои усилия? Над морозостойкостью? Урожайностью?

– У нас не было такого, чтобы кто-то работал конкретно над чем-то. У нас всегда все шло в комплексе; без устойчивости к погодным невзгодам нет урожайности. Мы в сорта пытаемся впахнуть все подряд, чтобы они смогли почти целый год существовать в поле в любых условиях. А растения – они не резиновые. Вот почему у нас такая «жопа» с сортами.

Что бы мы ни сделали, наша лаборатория всегда подвергается критике. Потому что если сорт не будет зимостойким, он вообще никому не нужен. Главное, он не будет урожайным, потому что урожайность тянется за зимостойкостью.

В отличие от лаборатории яровых, нам нужно решить в растении очень много проблем. Если сорт не засухоустойчивый в ювенальный период, он может погибнуть в засуху или быть изреженным. Зимой могут быть и вымокание, и вымерзание, и выпревание – все, что угодно. Там такая куча факторов! Против притертой ледяной корки ни один сорт практически не устойчив. Почему? Да потому что под ней растения задыхаются и погибают.

Меньше 12-ти лет от скрещивания и до передачи в Госсортокомиссию у нас ни один сорт не проходит. А за 12 лет бывает очень много разных сценариев. У яровых культур их на порядок меньше. Вся жизнь яровой пшеницы длится с апреля и по июль. А у нас с августа и до следующего июля. И вариантов может быть 150 тысяч. Понимаете? Вы понимаете, почему с озимой пшеницей столько проблем?! Да потому что жизнь полна неожиданностей, и все предусмотреть ну просто невозможно.

– А как же Калач 60?

– Вы знаете, почему я его люблю? Да потому что он у нас единственный такой. Это уникальный сорт.

Он один вышел из своей гибридной популяции. Он один оказался с высоким потенциалом урожайности. Никто из его родственников ему не соответствовал. И история его создания очень интересная. Почему-то его гибридная популяция после четырех лет испытаний была отправлена Масловской и Ласкиным в долгий ящик. А я предложила Эльвире Николаевне вернуться к старому материалу и вновь посеять. В селекционном питомнике с рядочка обычно собирают от 50 до 400 граммов. Помню, как сейчас: Масловская принесла коричневый пакетик из-под сахара-песка: «Вот, девочки, посмотрите, это наш новый сорт».

Он сразу себя показал, весил 800 граммов! Поэтому говорить, что Калач 60 средний, проходной сорт просто некорректно. Почему? Да потому что потенциал у него высокий. С ним просто нужно правильно обращаться.

– Никто не владеет искусством галантности?

– Светлана Тимофеевна, извините, но мне больше не интересно всех подряд учить с большой трибуны. Было время, я выходила перед публикой и рассказывала, что с Калачом нужно обращаться иначе, чем с другими сортами. Но почему-то все это пропускать мимо ушей. Мне легче научить того, кто действительно хочет. Тем более что сейчас по прошествии времени я могу дать уточняющую информацию, где его не надо сеять, на что стоит обратить внимание.

Сейчас для того, чтобы не пропустить низкоурожайные сорта, Алексей Дорогобед сделал его стандартом по области.

– На сайте НИИСХ Юго-Востока читаем, что написано про родословную Калача: сорт Зерноградка 6/4/ Лютеценс 18/ Степная 135// Лютеценс 15/Ильичевка/3/ Лютеценс 8/ Краснодарская 39// Саратовская 8/Ростовчанка. Нельзя ли попроще объяснить, что сорт взял от папы, а что – от мамы.

– Его «мама» – Зерноградка 6. Это старый сорт ВНИИ зерновых культур имени И.Г. Калиненко, Ростовская область, г. Зерноград. От неё он взял, как я понимаю, состав пигментов, потому что цвет такой же, как у зерноградских сортов, и еще он взял высоту. Он же не бывает высоким, а в связи с тем, что он коротышка, сантиметров 70, у него достаточно толстая соломина, и он не полегает.

«Папа» у него – результат четырех скрещиваний: в нем четыре сорта инорайонной селекции и четыре линии саратовской селекции. То есть до этого была проведена огромная работа на протяжении 30 лет, не меньше. Этот «папа» нигде больше не засветился.

Вы понимаете, в чем специфика нашей работы? Мы очень и очень много работаем в корзину! Много выбраковываем. Но в результате на нашем лотке, как у старателей, остаются самородки. У Калача высокая засухоустойчивость, высокая жаростойкость и он раннеспелый. То есть вся устойчивость – это больше папа, а продуктивность – это мама.

Сейчас мы этот сорт очень внимательно исследуем лабораторными методами, чтобы самим понимать: что именно мы создали, и дальше могли давать необходимые рекомендации.

Обратите внимание, мы его специально создавали в линейке сортов, чтобы любой фермер, имеющий большие площади под озимыми, мог сеять три сорта с растянутыми сроками уборки. До него была Саратов-

ская остистая, от него отличается по срокам созревания на две недели. Но, как оказалось, из-за того, что Калач 60 раннеспелый, у него сокращен срок покоя семян.

– А разве короткий период покоя не выгоден семеноводческим хозяйствам?

– Разумеется, выгоден. Вы его можете сеять сразу же после уборки, ему не нужны никакие стимуляции типа прогревания. Но у нас в погоде что-то сместилось, и дожди стали выпадать как раз в период его созревания.

Правда, и фермеры хороши. Один посеял его в низине, другой – в том месте, где высокие грунтовые воды. И это агрономическая ошибка, а не грех селекционера. В результате последних нескольких лет мы это выяснили, и теперь я готова выдать рекомендацию.

Если это правый берег, если там часто бывают осадки, ну не сейте вы его. У Зузули же все получается! Он в этом году приехал к нам в институт и вновь обновил семена. Почему? Да потому что у него в Лысогорском районе песок и влага не задерживается.

Поверьте мне, я никому еще не сказала: вот этот сорт не берите, а мой берите. Я всегда говорю так: если вам что-то нравится, то вы этот сорт возьмите и попробуйте. Не понравится, мы с вами встретимся еще раз. Потому что любовь еще никто не отменял. Если есть у вас любовь к определенному сорту, он у вас получится. Если руководитель хозяйства считает нужным посеять этот сорт, а его агроном против, любви не будет, без толку сеять. Зачем тратить деньги? Нужно, чтобы к сорту была любовь.

– Откуда такое название: Калач 60?

– Раньше это была линия 60-02 по номеру в конкурсном испытании. Потом он был назван Самшитом в связи с тем, что он ярко-зеленый, имеет нехарактерную для саратовских сортов окраску. По этой причине его семеноводство вести легко – сильно отличается от всех остальных. И по высоте его легко чистить.

Но поскольку по правилам Госсорткомиссии нельзя давать сорту название **другого вида растений**, нам приказали за месяц переименовать. Так как ни у кого не возникло никаких идей, я приняла решение, ударила кулаком по столу и сказала: «Будет Калач 60».

– А если вернуться в историю?

– Если вернуться в историю, у нас был замечательный сорт Саратовская 8, которому очень не повезло. Вместе с ним к районированию предложили Северодонецкую юбилейную. И так сложились погодные условия, что ростовчанка с большим потенциалом урожайности победила саратовскую соперницу. Хотя у нашей пшеницы были ну просто изумительные хлебопекарные качества.

–Теперь даже семян нет?

– К сожалению, со временем семеноводство утрачивается. Если автор «сидит» только на одном сорте, он может поддержать его селекцию. Мы на это просто не способны. Впрочем, несмотря на все мои крики о том, что семеноводством заниматься не будем, все эти годы, пока нам не платили, мы все равно в принудительно-добровольном порядке участки закладывали. Потому что потерять сорт очень легко, особенно если ты сорт не знаешь. Мы вот так Викторину 95 потеряли, но она и перестала пользоваться спросом.

– Ничего не говорим про хлебопекарные качества сорта.

– Хлеб можно испечь из любой пшеницы, если ты профи. Буквально к любой партии муки можно приспособить технологию и получить замечательные буханки. Другое дело, что у нас вместо хлеба, простите за выражение, черте что пекут. Самые плохие батоны из нашей лаборатории, с низким объемом и пористостью, во сто крат лучше того, что лежит на прилавках магазинов. Я вам это абсолютно честно говорю. Недавно возвращалась в такси с работы домой, оставила водителю наши хлебцы, чтобы он попробовал хотя бы раз в жизни, что такое настоящий хлеб.

Думаю, может быть, горожан к нам в лабораторию приглашать, чтобы они видели, какой замечательный хлеб можно при желании испечь из нашей пшеницы. У наших сортов хорошие реологические свойства теста. А вопрос по количеству клейковины – это вопрос больше к агротехнике.

Да, с нашими сортами непросто. Мы создали пшеницу Созвездие, у которой и реология замечательная, и от черепашки обрабатывать ее не надо. Даже если процентов двадцать зерна и будет повреждено черепашкой, этот сорт все равно выдерживает, продолжает держать клейковину, а она настолько крепкая, что требует разжижения. Если правильно подойти к этому вопросу, можно было бы это зерно подмешивать в хлебные партии. И улучшать качество муки. Но у нас же все не так: если Дорогобед сказал: сорт плохой – то до свидания!

У нас в институте мука получается хорошей, потому что используем лишь хорошее качественное зерно. Во-первых, оно у нас крупное и полновесное, во-вторых, оно у нас тщательно просушенное, в-третьих, в нем практически нет микотоксинов.

Когда я вижу, какими семенами управляют в хозяйствах посевные агрегаты, плачу горькими слезами. Они щуплые, не откалиброванные, содержат семена сорняков. Сеять такими семенами и предъявлять претензии к сорту – просто немыслимо. Они на порядок хуже, чем мои зерноотходы. Мы пробовали сеять то, что обычно отдаем на корм курам, – ростки всходят, но щуплость все равно не позволяет растению набрать требуемые параметры.

ОКОНЧАНИЕ СТР. 12

23 августа 2018 г.

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

Почему я люблю Калач 60? Да потому что он единственный такой

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО СТР. 10

– Чем взял Геннадий Михайлович Полетаев? Почему даже у меня в газете идет сплошная реклама Скипетра? Читаю родословную: Альбидум 114 и Этна. Включен в Государственный реестр селекционных достижений, допущенных к использованию, с 2009 года по 9-ти регионам Российской Федерации.

– Это многолинейный сорт. По одним данным, в нем 38 линий, по другим – 50. Где его создали, я не знаю, потому что Полетаев-старший достаточно долго возглавлял отдел сортовых культур в Госсортомиссии. Я так понимаю, они не обязаны перед нами отчитываться, на какой площадке его выводили. Но от этого очень много зависит. Смотрите: зерноград к нам заходит своими сортами, но периодически отстывает. Краснодар тоже не сильно наступает, потому что зимостойкость в его сортах несколько иная, и они здесь толком не выживают. Почему я об этом могу судить достаточно объективно? Когда у вас огромная территория, вы еще можете что-то пропустить, а когда у вас под боком делянки...

– Неужели вы все сорта высеваете?

– Мы в принципе можем любому саратовскому аграрию предложить прийти и посмотреть, как тот или иной сорт переносит условия текущего сезона. У нас имеются и московские сорта, и краснодарские, и ростовские – у нас есть практически всё. Поэтому в отдельные годы отчетливо видно, как проседают москвичи, а в другие годы – южане.

При этом я не утверждаю, что саратовские сорта во всем превосходят инорайонные. Они такие же живые растения, и у них тоже могут быть свои минусы. Но у нас всегда упор делался на морозоустойчивость, потому что мы должны выдать то растение, которое выживет.

Вернемся к Скипетру. Авторы в него «засунули» все 50 линий, каждая из которых, как я понимаю, обладает какими-то особыми свойствами. Иначе, какой был смысл их всех объединять?! Сложился год засушливым, и все незасухоустойчивые линии выпали. При этом они отвечали за высокую продуктивность. Мы полученные семена высеем на следующий год, но данных линий в нем больше нет, и потенциал может упасть. А может и не упасть, если год выдался относительно мягким. Но если один год будет острозасушливым, второй отличится суровыми морозами, третий – оттепелями и притертой коркой – четвертый и пятый года мы встретим с обедненным сортом, хотя на нем будет все та же этикетка «Скипетр». Рядовые саратовские хозяйства непременно клюнут на эту рекламу, хотя в семенах может содержаться не великий сорт, а бледное подобие полетаевского Скипетра.

– Так вот почему Скипетр, который мы видели в Липецке, совсем отличается от Скипетра, который

выращивает тот же Вячеслав Королев?!

– В Липецке и температурный режим иной, и почвы. Знаете ли вы, что колос формируется в течение считанных четырех-семи дней? Так нужно совпасть, что именно в этот период должно быть в меру влажно, пасмурно, относительно тепло – и вот в этот момент, если складываются подходящие условия, то закладывается большая колос. А дальше – как повезет. До этого момента нужно внести подкормку, а еще раньше провести боронование, чтобы корни лучше развивались.

Если в мае температурный режим будет повышенным, колос непременно скинет цвет, оставит ровно столько, сколько он сможет вытянуть. Если будет жара, пыльца станет стерильной.

И, к сожалению, фермеры Иванов, Петров, Сидоров никогда не признаются, что они промахнулись в сроках и в агротехнологии. А будут доказывать, что все выполнили вовремя и начнут предъявлять претензии к сорту.

■ Да, и у наших сортов есть проблемы, потому что создать сорт, который был бы идеальным, невозможно. Так как нет идеальных людей. Но у всех есть свои какие-то плюсы и минусы.

–В стране есть несколько селекционных центров, которые занимаются озимыми пшеницами. Кто нам реальный конкурент?

– Два института в Ростовской области – это реальные конкуренты, потому что по зимостойкости их сорта ближе к нашим. Мы делаем БОЛЬШОЙ акцент на зимостойкость, чем они, но в связи с тем, что зимой в последнее время складываются более мягкие погодные условия, чем привыкли, им везет. Понимаете, мы у себя в Саратове все равно берем те линии и те сорта, которые были созданы раньше. Продолжаем традицию.

У южан понятие о зимостойкости другое. Они говорят, что у их сортов она высокая, но это субъективная оценка. Помню, вот мы переживали, когда в 2002 году на территории института были 28-градусные морозы. А нас поле стояло голое, совершенно лишенное снега. Думали: все, сортам конец. Ничего, выжили.

И когда сейчас таких морозов не наблюдается, конечно, к нам заходят зерноградские гости. У них, по сравнению с нашими, зимостойкость ниже, но есть возможность сыграть на продуктивности. В них добавляют гены западной селекции, у которой высокий потенциал продуктивности плюс у них поставлена серьезная работа на качество. Это мой большой вопрос. Я его обсуждать с вами не буду, иначе начну плакать.

Вопрос: когда они «накроются медным тазом»? Это может произойти в любой год, и тогда вновь «выстрелят» саратовские сорта. Это точно. А может, больше и не повторится ни одного сурового года, я же не господин Бог и не могу предположить, какой будет зима.

– В каком состоянии сейчас находится лаборатория селекции и семеноводства озимой пшеницы НИИСХ Юго-Востока? Что обещаете вы нам выдать «на гора» или честно предупреждаете, что в ближайшее время ничем не порадуем?

– Лаборатория у нас сейчас женская, единственного мужчину мы «выдали», решили, что на подсобные работы нам проще приглашать человека со стороны. Потому что работа у нас, в основном, женская, требующая внимательности, точности, сосредоточенности, никакого разгильдяйства не должно быть. Любая неточность – и материал вылетает в трубу.

– Сколько человек с вами работает?

– Если вместе со мной, шестеро. Я здесь на 0,25 ставки. Пять человек плюс моя четвертинка.

– Кто старший научный сотрудник, который вместо вас теперь «пашет»?

– Антонина Дмитриевна Заворотина, она работает с 1980 года. Знает весь селекционный процесс, на нее я могу положиться. Она исполнительная, бывает, чересчур даже, за что приходится немножко ругать.

– Вы не считаете Калач 60 старым сортом?

– Напротив, у него самый настоящий расцвет. Почему? Потому что он вместе с Жемчужиной Поволжья в Оренбургской области занял третью часть посевных площадей. Жемчужина – побольше, Калач – поменьше. Именно оренбуржцы настояли на том, чтобы эти сорта районировали по всему 9 региону. Может быть, в Челябинске чуть жестче условия, и там не будут ими заниматься. А Оренбург, наоборот, ими усиленно интересуется. Сейчас туда заходит и Саратовская 17, за что мне по шапке дают. Мы не подавали этот сорт на районирование, более северный регион всерьез не рассматривали. И это было нашей большой стратегической ошибкой, так как сорт засухоустойчивый и жаростойкий.

Я сейчас задумалась, не направить ли Саратовскую семнадцатую в Казахстан. Возможно, там этот сорт тоже себя проявит.

У Калача, может быть, действительно сейчас такой момент, когда он с правого берега Волги передвинется на левый и пойдет на восток. Не говорю, что он сильно далеко уйдет. Но если получится, он будет хорошо себя проявлять в Оренбурге и займет там свою нишу, то уже здорово! Для сорта, по крайней мере. Так что я себя чувствую реализованным селекционером.

– А почему вы так хорошо о себе думаете? Вы вообще-то сколько в своей жизни создали сортов? Или их количество не играет никакой роли?

– Я себя чувствую реализованным селекционером, потому что сейчас за моей спиной находится очень серьезный багаж. У нас в институте огромное количество перспективных линий, которые нужно просто правильно разложить и преподнести в нужном свете.

Вот мы, чудачки, Созвездие и Эльвиру подали в Госсортсеть одновременно и проиграла. Почему? Изо всех сил нужно было настаивать, что Эльвира – сорт-интенсивник, и его следует проверять в других условиях. На естественном багарном фоне она не может показать весь свой потенциал, поскольку сорту необходимы удобрения. А мы, возможно, в документах этого не написали, не догадались. И Дорогобед не догадался. В это время меня в лаборатории не было, недосмотрели – Эльвиру сняли с районирования.

– Семена хоть остались?

– Три тонны у меня сейчас есть. Правда, я бы их хотела пересеять, потому что они пролежали два года. В Константиновке попытаюсь их размножить, а дальше их ждет такая судьба: либо они будут съедены курами, либо будут проданы фермерам, которым все равно, что сеять. Буду рекомендовать эти семена тем счастливым, у которых благоприятные условия. Или тем, у кого есть возможность удобрять.

И второй сорт, который был передан одновременно с Эльвирой, чего категорически нельзя было делать, потому что сорта начинают конкурировать, – это Созвездие. Замечательный, засухоустойчивый, экстенсивного типа. Он был предназначен для тех сельхозпроизводителей, у которых вообще ничегошеньки нет. Которые способны лишь на то, чтобы посеять и убрать. Ну и пророборонировать, как максимум. И при таком безобразном отношении к себе Созвездие способно стабильно давать урожай, скажем так, на уровне двадцатки. Но зато это был бы всегда третий класс. Созвездия не прошло Госсортоиспытание исключительно по урожайности. Его нужно было подтягивать, а мы этого не сделали. Хотя если бы мы его сейчас рекламировали как сорт для бедных фермеров, его бы расхватали. Но по закону мы не имеем права реализовывать семена нерайонированного сорта. Возможно, в следующем году мы найдем какой-нибудь вариант решения этой проблемы.

Вот поэтому я себя считаю реализованным селекционером. Понимаю?

– Понимаю.

– У нашей лаборатории есть потенциал, с которым можно работать. У нас есть порядка трехсот линий, которыми мы можем крутить, как угодно, и выдавать «на гора» сорта достаточно часто. Вопрос весь в том, что мы не успеваем. У нас маленький коллектив, все устают. Сейчас на всех лежит очень большая бытовая нагрузка, была бы выше зарплата, было бы гораздо легче.

Здесь, около института, у нас нет ни метра свободных площадей, даже кормовой севооборот отобраны. Что там сейчас растет? Сорняки и чуть-чуть деревьев. Семеноводческий севооборот обрезали? Обрезали! Тоже порядка 30 гектаров. Огромное поле, замечательное, цыганское, которое на Молочке за заправкой находится, уже второй год зарастает сорняками. Все!

Я не против людей, которые хотят там получить участки под жилье.

Только завтра их дети будут есть не-знаю что. Вот в чем дело!

Я, конечно, хотела бы поработать за рубежом, потому что, наверняка, научилась бы там многому. Но, несмотря на высокую зарплату и великолепные перспективы, меня всегда останавливала мысль, что инофирмы в любом случае конкуренты отечественным селекционным центрам. У них есть интересные линии на выходе. И завтра мы придем к тому, что российские исследовательские организации будут заданы теми или иным способом. Мы с вами будем зависеть от семян, которые придут с Запада. И что мы будем кушать?

Если сейчас наш институт закрыть, то свиньи и куры запросто съедят наш селекционный материал. Им будет вкусно и хорошо. Просто погибнет труд нескольких поколений, который сейчас сконцентрирован в семенах.

– Какой год был по-настоящему судьбоносным для лаборатории? Пятидесятый, семидесятый, девятый? Или он после гибели Мейстера так и не наступил?

– Численность нашей лаборатории периодически увеличивается, прямо по синусоиде. Ее нынешнее состояние отражает общее состояние института. Я утверждаю, что мы можем зарабатывать на семенах, но количество наших посевных площадей заметно сократилось. А на полях Константиновки растут деревья, их нужно выкорчевать – снова вложения.

Я вам про Саратовскую 8 рассказывала, так вот Ласкин просил ее вернуть в производство. У нее качество просто великолепное, и она достаточно долго находилась в прекрасном состоянии. В последнее время качество, именно у восьмой, стало скатываться. Возможно, мы сработали где-то против нее.

– Кроме Калача 60 нам больше производству нечего предъявить?

– У нас есть плохо разрекламированный сорт Саратовская 17.

Сейчас на стадии испытания находится новый сорт Анастасия. Надеюсь, его не коснется проблема с прорастаемостью, потому что колос у него пониклый, и влага легко с него скатывается. Еще он достаточно рыхлый, значит, будет лучше проветриваться. В то же время, он более требовательный к влаге. Если он пройдет испытания, будем его рекомендовать для правого берега. На противоположном, левом, берегу, скорее всего, он будет чувствовать себя хуже.

Впрочем, у нас вариантов много, под каждое хозяйство есть предложение.

– Но вам нужны деньги и вам необходимы кадры.

– Да, мне уже сейчас нужен человек, которого я бы готовила на свое место. Который войдет в эту колею и не выйдет. Не каждый подойдет – мы должны сойтись характерами. Не держу информацию в себе, готова поделиться и научить преемника. Проблема: желающий пока не нашлся.

Записала Светлана ЛУКА